

ДРУГОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

АРХИТЕКТОНИКА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ДИСКУРСА В XX В.

(часть 1)

О.Ю. Бондарь

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10/2, Москва, Россия, 117198

Процесс становления идентификационного дискурса раскрывается в статье в тесной связи с социально-политической ситуацией, сложившейся на латиноамериканском континенте в первой трети XX в. Выявляются особенности и специфика периферийных форм модернизационных процессов. На примере становления философии «мексиканской сущности» рассматриваются познавательные стратегии национальной рефлексии, обусловленные поиском путей присоединения к опыту модернизации.

Ключевые слова: идентификационный дискурс, культурный национализм, Латинская Америка, «мексиканская сущность», модернизация, популизм.

В XX в. основным фактором, определяющим духовный и интеллектуальный климат Латинской Америки, стала социально-политическая ситуация. Мировой экономический кризис, пришедшийся на период с 1929 по 1933 г., послужил толчком к индустриализации большинства латиноамериканских стран. Модернизационные процессы, втянувшие в свою воронку Латинскую Америку, поставили ее перед необходимостью осознать себя в новых обстоятельствах. Периферийность региона по отношению к центру мировой системы (Европа и североатлантические страны) и зависимость от нее, технологическая и экономическая отсталость, исторически обусловленная маргинальность его культурно-цивилизационного поля задали изначально «дефицитные» и неравномерные формы перехода к обществу современного типа.

В отличие от европейского варианта модернизации с присущей ей синхронностью изменений, тотальным проникновением во все сферы общественной жизни и институциональным характером, механику латиноамериканского определяло тяготение в сторону традиционного вектора развития. Это во многом препятствовало нормальному и эффективному протеканию модернизационных процессов

и придавало им изломанные, «зигзагообразные формы» [3. С. 59], а также диффузный, фрагментированный характер.

Эндогенные формы модернизационных процессов в Европе, проходящие на уровне культуры (М. Вебер), привели к выделению научной сферы в автономную область. Получив «суверенный» статус, наука избежала зависимости от политических настроений. Это позволило ей развиваться, исходя из внутренней логики своих парадигм. Что же касается политики, то она стала предметом специального рассмотрения ряда дисциплин, а ее влияние не выходило за пределы частного уровня — политических предпочтений проводников научного знания.

В Латинской Америке экзогенный характер модернизации нарушил процесс «функциональной дифференциации сфер» (Н. Луман). В противоположность европейскому варианту с характерным ему «капсулированием», обособлением функциональных областей, латиноамериканский формировался в ситуации взаимозависимости и взаимопроникновения последних. Возникшие «контексты-соотношений» (А. Карпентьер) (1) способствовали, с одной стороны, беспрепятственному проникновению и влиянию политической сферы на духовную и интеллектуальную жизнь континента, с другой — активному участию интеллектуалов в политике. Эти процессы неизбежно нашли свое отражение в латиноамериканской культурно-философской рефлексии, ставшей зеркалом политической жизни континента и заострившей проблему поиска культурно-цивилизационной идентичности в сложившихся обстоятельствах.

Переход Латинской Америки от традиционности к современности усугубляли появившиеся в нем пустоты и разрывы. Естественным образом возникающие в условиях исчерпанности старых форм существования и несформированности новых, они грозили ей аномийным состоянием. Латиноамериканским ответом на вызов, брошенный данными обстоятельствами, стал популизм. Он сдержал падение в ситуацию «ноль» и послужил предохранительным поясом.

Роль, которую сыграл популизм на континенте, побуждает латиноамериканских интеллектуалов назвать его «подлинно социальным и культурным созданием Латинской Америки в XX веке» (Ф. Кальдерон).

Факт, что в иных географических широтах в виде последовательной смены волн и столь широко популизм представлен не был, дает основания исследователям этого феномена говорить о латиноамериканском его варианте.

Что же касается понятия «популизм», то при всей интуитивной ясности подвести его под формальное определение представляется довольно затруднительным. Контекстуальная зависимость от политологического, экономического, социологического, (социально-) психологического, философского порядков придает его границам подвижный характер, за счет чего расширяет содержание. В широком диапазоне его вариативных случаев наиболее репрезентативными видятся следующие дефиниции: форма «выстраивания политики»/«дискурсивная практика с присущей ей стилистической спецификой» (Э. Лакло, Ш. Муфф); «историческая фаза при модернизации экономической структуры государства» (О. Ианни); «форма социально-политической мобилизации, где массами манипулируют харизматические лидеры» (Дж. Джермани) (2).

Между тем представляется возможным артикулировать независящее от контекста «плотное ядро» этого феномена и, раскрыв его объяснительный потенциал, репрезентировать в виде обозначения, типологизирующего его содержание. Анализ различных исследований, посвященных этой тематике, позволил выявить следующий его состав:

— установка на холизм и историческая оправданность коллективной субъектности;

— подмена понятия народного типа коллективной идентичности национальной, формируемой по принципу «ex negativo»;

— синдром «авторитарного рефлекса» — парадигмы политического поведения (субъектов), определяющейся иррациональной верой в харизматическую личность (вождя);

— этатистско-патерналистская форма государственного устройства, утверждающая ведущую роль государства в политической и социальной жизни общества, а также отцовско-сыновний характер отношений власти и граждан;

— патрон-клиентские отношения как способ социальной и политической интеграции.

Влияние этого социально-политического феномена на континенте трудно переоценить. По словам латиноамериканского социолога Ф. Кальдерона, популизм стал инструментом присоединения и приобщения континента к универсальному и парадоксальному опыту модернизации, придав самой модернизации собственно латиноамериканские черты.

Идейной платформой латиноамериканского популизма послужил адаптированный к современным условиям «цивилизаторский проект» XIX в. В отличие от его основателей — либералов и позитивистов «поколения 1837», видевших целью создать «подлинную/чистую нацию», способную усвоить достижения прогрессивных народов (Х.Б. Альберди, Д.Ф. Сармьенто и др.), проводников популистского проекта отличало стремление пробудить в латиноамериканских народах сильное чувство духовного единства. В нем они видели прочный фундамент, способный обеспечить реализацию проектов модернизации. Экономическим основанием стала политика импортозамещения и протекционизма в виде поддержки внутреннего рынка, его защиты от иностранной конкуренции и капитала.

Ключевым актором процессов модернизации на континенте выступила национальная буржуазия. Взяв под свой контроль экономическую и политическую сферы, этот агент внутреннего рынка задал курс развития континента на вхождение в современность.

Вступление Латинской Америки в полосу радикальных перемен проходило на фоне ее социальной диффузности. Эта ситуация требовала от культурфилософской мысли поиска новой идентификационной техники — вывести «национальное» на все уровни социальной практики — производства, политики, экономики, искусства, литературы, философии и пр., стандартизация и рационализация которых позволила бы говорить об их национальных «корнях». Предполагалось, что ведущую роль в этом процессе возьмет на себя государство, которое посред-

ством создания системы символов и стереотипов, репрезентирующих (культурную) идентичность, приведет континент к духовному единству.

Развитие латиноамериканского идентификационного дискурса, начиная с первой декады XX в., шло по рельефу исторических процессов, протекавших на континенте. По этой причине центрами его идейного притяжения становились национальные «почвы», на которых формировались очаги культурно-исторических и социально-политических противоречий. Что же касается популистского проекта, то степень его влияния на развитие континентальной рефлексии поможет эксплицировать ряд событий, ставших значимыми для латиноамериканской истории в целом, а именно: Мексиканская революция (1910—1917), создание Американского народно-революционного альянса в Перу (1931), появление «хустисиалистского» государства в Аргентине (1945), победа Кубинской революции (1959).

Рассматривая события, связанные, например, с Мексиканской революцией, можно предположить, что идейные корни революционного феномена восходят к процессу модернизации, исторически причастному европейским институтам и культурным нормам (3). Европейская модернизация, сведенная к процессу общественной рационализации, ознаменовала собой переход к обществу современного типа, которое устанавливается силой разума. Одержимый девизом «сделаем из прошлого чистую доску» рационалистический способ развития, вытесняя традиционную, иррациональную компоненту из сферы общественной жизни, отрекается от исторического прошлого как своей опоры. Это отречение и есть революция — победоносный акт перехода от неразумия к разумности, акт, совершающийся во имя господства и торжества разума.

Европейский тип модернизации создает семантическое поле понятия революции, и, сопрягая его с идеей развития, снимает с него негативные коннотации: в переходе к современности неустойчивость сменяется стабильностью, смятение — успокоенностью, хаос — порядком, партикулярность — универсальностью. В свою очередь возникшие в результате революционных преобразований изменения в экономической, политической, культурной и социальных сферах видятся в качестве «мутаций и триумфа разума, понимаемого (...) как разновидность естественной силы» [18. С. 99].

Приняв на латиноамериканской почве периферийные формы, модернизационные процессы, осложненные и отягощенные ее маргинальностью, ресемантизируют (европейское) понятие революции. Репрезентативными в этом отношении становятся события в Мексике 1910—1917 гг. Спусковым механизмом к началу революционных процессов в стране послужила ее зависимость от иностранного капитала, активно поддерживаемая президентом Порфирио Диасом, и его содействие интересам олигархических кругов Мексики. Мотивацию борьбы за экономическую свободу дополняло идейное противостояние позитивизму, принятому П. Диасом в качестве официальной идеологической основы его политического курса.

Деятели нового типа — поколение «ученых» («científicos»), представители волны мексиканского позитивизма, олицетворявшие правящую элиту, превратили

его в инструмент управления государством. С помощью «научных» методов они укрепляли во всех сферах экономики монопольное положение иностранных предпринимателей и усиливали эксплуататорские отношения внутри страны (4).

В действительности порфиристская клика выражала не подлинные (в контовском смысле) позитивные политические и социальные идеалы, а «использовала идеи позитивизма, положив их на службу интересам совершенно чуждым» [25. Р. 236] и противоречащим им.

Социально-политическая ситуация, сложившаяся в Мексике под влиянием позитивизма как «философской системы, оправдывающей новые порядки», описывает то положение дел, которое было характерно для континента в целом. Как замечает Л. Сеа, исследовавший проблему становления и роли позитивизма в Латинской Америке, новому порядку, опирающемуся на идею разума и прогресса, «в жертву (...) были принесены политические свободы. Единственной свободой теперь считается свобода обогащения и материального господства более сильных так, как этому учили новые философские концепции» [16. С. 23].

«Критическая масса» нарастала от вызовов, идущих извне и изнутри страны. Достигнув своей предельной величины, она сделала неизбежным революционный взрыв — отторжение имплантированной современности, идентифицируемой с навязанными формами капитализма и позитивизмом, превративших страну в дочернее предприятие западной цивилизации. Задающим динамику революционных процессов выступил механизм инверсии — исторически моментальный «откат» к противоположному современности полюсу. Это контрдвижение процессу развития европейской модернизации определило пробуждение национального самосознания в стремлении мексиканцев осознать, кто они, каково их место в истории.

В стране резко возрастает интерес к традициям национальной культуры и искусства. Художественное и литературное творчество обращается к национальным истокам. Революционная тематика, придающая в литературе жанровое своеобразие роману и поэзии, в изобразительном искусстве сопровождается темой поиска национальных корней. Художники — графики и живописцы, воплощая революционную тему, возрождают традиции индейской культуры, обнаруживая, по словам А. Рейеса, «забытое наследие... золотой клад, согласно легенде, спрятанный ацтеками» [10. С. 211].

В этой апелляции индейское начало раскрывается как неиссякаемый источник национальных сил и энергий, который приводит в движение и взаимодействие все формы идеологической и художественной жизни страны. Будучи культурным субстратом, оно пополнило «золотой запас» мировой культуры тех лет, войдя в него как ярчайший феномен, получивший название «мексиканский ренессанс».

Тенденции, отмеченные сочувственным интересом к истории и культуре индейцев, в итоге сложились в устойчивую традицию «индихенизма», которая начиная с 20-х гг. становится стержнем официальной идеологии и сохраняется в этом статусе, несмотря на непостоянство политических ориентиров и пристрастий.

Проблема национальной интеграции, обострившаяся в силу исторических обстоятельств, перевела индихенизм из литературно-художественной в практиче-

скую плоскость, превратив его из комплекса идей в программу их реализации. Решение этой проблемы виделось в просвещении индейского населения, в его трансформации в динамичную составляющую социальной жизни через подключение к токам современной цивилизации.

Свое отражение «индейская тема» получает в работе М. Гадио с символическим названием «Укрепляя родину (Pro национализм)» («Forjando patria (Pro nacionalismo)» (1916)). Политику в области просвещения он видел учитывающей региональные особенности индейских культур, в соответствии с которыми должны выстраиваться образовательные проекты. Последние координируются таким образом, что сводятся в единую национальную систему. Критическую оценку этой программе дал крупный мексиканский философ Х. Васконселос, занимавший на тот момент пост министра просвещения. В ней он почувствовал угрозу, усиливающую обособленность и изоляцию автохтонного населения, и потому выступил за введение единой национальной (школьной) системы просвещения, способной стать мощным интегрирующим фактором. Сходным образом в 1924 г. вопрос национальной интеграции послужил сильным доводом в пользу принятия двуязычной модели в системе образования.

В культурфилософскую рефлексию идеология индихенизма входит и закрепляется в ряде устойчивых тем и вопросов, а именно: критика европейской культурной традиции; апелляция к автохтонным ценностям; идея исключительности; проблема идиосинкразии мексиканского народа; создание психологического портрета мексиканца-индометиса; поиски «нового гуманизма»; тема мессианизма. Так национальные ценности, преданные забвению диктатурой порфиризма с ее европоманией и космополитическими пристрастиями, лишь благодаря глубокому социальному потрясению, пережитому страной, вновь обрели свою бытийную полноту.

Мексиканская революция вызвала общественный резонанс в Латинской Америке и за ее пределами. Попытки различных представителей творческой интеллигенции — ее современников и поколения постреволюционного периода, дать определение свершившимся событиям, получили свое оформление в ряде формулировок: у мексиканца О. Паса — это «погружение Мексики в свою сущность», у француженки Дж. Франко — «возврат к корням». Доминиканец П.Э. Уренья, подчеркивая континентальное значение революции, определяет ее как «шаг к выражению подлинного духа Америки».

Несмотря на различные смысловые оттенки формулировок, их объединяло одно — то, что «революция походила на взрыв самой исторической реальности», обративший Мексику к самой себе. Случившееся в Мексике «больше, чем революция — это открытие» [14. С. 21].

Раскрывая влияние революции на духовную жизнь страны, О. Пас прибегает к понятию «традиция». Отклоняя устоявшиеся дефиниции этого термина (5), он предлагает свою интерпретацию — это «программа общего замысла, с помощью которого нация находит свое место в современном мире». Поиск такой традиции, которая помогла бы стране переработать ее «национальную ограниченность», он

видит движущим мотивом революционных событий. В таком контексте Мексиканская революция несет двойную смысловую нагрузку: она есть и возвращение к истокам, и попытка вписаться в общую традицию (современность) — способ преодолеть «историческое отставание» [14. С. 130, 132].

Понимание революции О. Пасом, как представляется, существенно уточняет и раскрывает специфику образующего ее механизма инверсии, который можно сравнить с движением исторического маятника. В нем при переходе от одного полюса истории к противоположному совершается и обратное движение. Однако переход к современности означает не отказ от исторического прошлого (6), а, напротив, его «удержание», «схватывание». Для О. Паса современность страны заложена в ее историческом прошлом, в противном случае без опоры на прошлое ей грозит исчезновение, «поскольку рано или поздно любая эпоха перестает быть современной, мы рискуем остаться без собственного имени» [14. С. 145].

Таким образом, революционные перемены создали объективную необходимость в философском осмыслении исторической судьбы Мексики. Интерес в этом отношении представляет философия «мексиканской сущности». Будучи «детисцем» популистских стратегий, это направление предложило свое конструктивное решение способа вхождения в современность, что получит освещение в следующей части работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См. об этом подробнее: [11. С. 10; 8. С. 35—37, 39].
- (2) См. на эту тему: [20. С. 99; 15. С. 14, 15, 26].
- (3) См. на эту тему: [13; 7; 18].
- (4) См.: [1. С. 264].
- (5) О семантическом поле понятия «традиция» см.: [17].
- (6) О современном отношении к прошлому см.: [5].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Альперович М., Слезкин Л. История Латинской Америки. М., 1981.
- [2] Бургете Р. Самуэль Рамос и проблемы истории философии в Мексике // Из истории философии Латинской Америки XX века. М., 1988.
- [3] Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // Вестник общественного мнения. 2009. № 4 (102).
- [4] Гончарова Т., Стеценко А. Типология и модели националистической идеологии в латиноамериканских странах // Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976.
- [5] Гречко П. История и современность: перспектива деконструктивистского прощания с историей // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2009. № 1. С. 34—45.
- [6] Дессау А. Утопии Самуэля Рамоса // Латинская Америка. 1975. № 2.
- [7] Капустин Б. О предмете и употреблении понятия «революция» // Логос. 2008. № 6.
- [8] Карпентьер А. Проблематика современного латиноамериканского романа // Писатели Латинской Америки о литературе. М., 1982.
- [9] Кофман А. Литература Мексики // История литератур Латинской Америки. XX век: 20—90 гг. Кн. 4. Ч. 1. М., 2004.

- [10] *Кутейщикова В.* О некоторых чертах мексиканской прозы // Художественное своеобразие литератур Латинской Америки. М., 1976.
- [11] *Кутейщикова В.* Предисловие к книге «Писатели Латинской Америки о литературе» // Писатели Латинской Америки о литературе. М., 1982.
- [12] *Кромбет Г.* Социальная роль философии «мексиканской сущности» // Латинская Америка. 1971. № 1.
- [13] *Малиа М.* Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М., 2015.
- [14] *Пас О.* Избранное. М., 2001.
- [15] *Русакова Т.* Венесуэла: радикал-популизм и формирование политического курса У. Чавеса: Дисс. к. полит. н. М., 2010.
- [16] *Сеа Л.* От романтизма к позитивизму в Латинской Америке // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3.
- [17] *Тагиров Ф.* Сакральное: от традиции к новому символическому пространству. М., 2007.
- [18] *Турен А.* Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. 13 (№ 1).
- [19] *Шульговский А.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967.
- [20] *Яковлева Н.* Это сладкое и страшное слово — популизм // Латинская Америка. 2011. № 10.
- [21] *Calderon F.* America Latina: Identidad y tiempos mixtos — O como tratar de pensar la modernidad sin dejar de ser indios // Cultura, estetica y politica en America Latina. Caracas, 1994.
- [22] *Gonzales O.* Los orígenes del populismo latinoamericano. Una mirada diferente // Cuadernos del Cendes. Año 24. № 6. Tercera época. Sept.-dic.
- [23] *Gamio M.* Forjando patria (Pro nacionalismo). México, 1916.
- [24] *Dussel E.* Cinco tesis sobre populismo // El eterno retorno del populismo en América Latina y el Caribe. Bogotá, 2012.
- [25] *Zea L.* El Positivismo en México. México, 2005.

THE ARCHITECTONICS OF LATIN AMERICAN SELF-IDENTITY DISCOURSE IN THE 20TH CENTURY (part 1)

O.Y. Bondar

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The axis of the publication is the self-identity discourse unfolding in close connection with the socio-political situation in Latin America in the first decades of the 20th century. The characteristics and specificity of the peripheral forms of modernization processes are highlighted. The author takes “Mexican essence” philosophy development as an example to discuss cognitive strategies of national reflection associated with different ways of transition to modernization experience.

Key words: identity discourse, cultural nationalism, Latin America, “Mexican essence”, modernization, populism.

REFERENCES

- [1] *Alperovich M., Slozkin L.* Istorija Latinskoj Ameriki. M., 1981.
- [2] *Burgete R.* Samuel Ramos i prolemi istorii filosofii v Meksike. *Iz istorii filosofii v Latinskoj Amerike*. M., 1988.
- [3] *Vorogeikina T.* Avtoritarnii rezimi XX veka i sovremennaya Rossia: shodstva otlichiya. *Vestnik obschestvennogo mnenia*. № 4 (102), 2009.
- [4] *Goncharova T., Stecenko A.* Tipologija i modeli nacionalisticheskoj ideologii v latinoamerikanskih stranah. *Nacionalizm v Latinskoj Amerike: politicheskie i ideologicheskie techenija*. M., 1976.
- [5] *Grechko P.* Istorija i sovremennost': perspektiva dekonstruktivistskogo proshhanija s istoriej. *Vestnik RUDN. Ser. «Filosofija»*. 2009. № 1.
- [6] *Dessau A.* Utopii Samujelja Ramosa. *Latinskaja Amerika*. 1975. № 2.
- [7] *Kapustin B.* O predmete i upotreblenijah ponjatija «revoljucija». *Logos*. 2008. № 6.
- [8] *Karpent'er A.* Problematika sovremennogo latinoamerikanskogo romana. *Pisateli Latinskoj Ameriki o literature*. M., 1982.
- [9] *Kofman A.* Literatura Meksiki. *Istorija literatur Latinskoj Ameriki. XX vek: 20—90 g.* Kn. 4. Ch. 1. M., 2004.
- [10] *Kutejshhikova V.* O nekotoryh chertah meksikanskoj prozy. *Hudozhest-vennoe svoeobrazie literatur Latinskoj Ameriki*. M., 1976.
- [11] *Kutejshhikova V.* Predislovie k knige «Pisateli Latinskoj Ameriki o literature». *Pisateli Latinskoj Ameriki o literature*. M., 1982.
- [12] *Krombet G.* Social'naja rol' filosofii «meksikanskoj sushhnosti». *Latinskaja Amerika*. 1971. № 1.
- [13] *Malia M.* Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira. M., 2015.
- [14] *Pas O.* Izbrannoe. M., 2001.
- [15] *Rusakova T.* Venesujela: radikal-populizm i formirovanie politicheskogo kursa U. Chavesa. Dis. k. polit. n. M., 2010.
- [16] *Sea L.* Ot romantizma k pozitivizmu v Latinskoj Amerike. *Vestnik istorii mirovoj kul'tury*. 1960. № 3.
- [17] *Tagirov F.* Sakral'noe: ot tradicii k novomu simvolicheskomu prostranstvu. M., 2007.
- [18] *Turen A.* Ideja revoljucii. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2014. 13 (№ 1).
- [19] *Shul'govskij A.* Meksika na krutom povorote svoej istorii. M., 1967.
- [20] *Jakovleva N.* Eto sladkoe i strashnoe slovo — populizm. *Latinskaja Amerika*. 2011. № 10.
- [21] *Calderon F.* America Latina: Identidad y tiempos mixtos — O como tratar de pensar la modernidad sin dejar de ser indios. *Cultura, estetica y politica en America Latina*. Caracas, 1994.
- [22] *Gonzales O.* Los orígenes del populismo latinoamericano. Una mirada diferente. *Cuadernos del Cendes. Año 24. № 6. Tercera época. Sept.-dic.*
- [23] *Gamio M.* Forjando patria. (Pro nacionalismo). México, 1916.
- [24] *Dussel E.* Cinco tesis sobre populismo. *El eterno retorno del populismo en América Latina y el Caribe*. Bogotá, 2012.
- [25] *Zea L.* El Positivismo en México. México, 2005.